Глеб Иванович Успенский

Квитанция

Глеб Успенский

Квитанция

«Public Domain»
1888

Успенский Г. И.

Квитанция / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1888 — (Живые цифры)

ISBN 978-5-457-24218-0

«…В этом очерке … Успенский, уже на материалах городской статистики, показывает еще одну «человеко-дробь» капиталистического строя – трудящуюся женщину-мать, не имеющую возможности создать нормальную семейную жизнь, иметь и воспитывать собственных детей. Проблема материнства в среде пролетариев, судьба подкидышей и детей, отданных в воспитательные дома с их катастрофической смертностью, останавливала внимание Успенского еще с конца 70-х годов…»

ISBN 978-5-457-24218-0

© Успенский Г. И., 1888
© Public Domain, 1888

Содержание

1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Глеб Иванович Успенский
Квитанция

1

Эпизодик с этой капельной цифрой случился со мною в то время, когда я только что предался изучению статистики, был, так сказать, в самой первой поре увлечения, и поэтому, я надеюсь, читатель извинит мне, если доводы, вследствие которых во мне родилось побуждение во что бы то ни стало видеть своими глазами упомянутую микроскопическую цифру, покажутся ему лишенными точных научных оснований и почти не логическими. Невольные ошибки начинающего должны быть извиняемы, и в надежде на это я расскажу процесс моего мышления в данном деле без всякой утайки: дело в том, что, начитавшись местных данных, я без перерыва принялся за материалы, собранные столичными статистиками, и здесь, в отделе браков, прироста, рождаемости и смертности населения, я натолкнулся на цифру, которая мне (по неопытности) показалась совершенно необъяснимой: оказывается, что в Петербурге ежемесячно нарождается до 700 детей, у которых нет ни отцов, ни матерей. В графе «отцы» стоит 0, в графе «матери» – тоже 0, а в итоге написано: *итого 700 штук человек*.

Научный метод мышления настолько еще не овладел мною и моими соображениями, что я решительно не мог оставить в покое этих нулей, из которых выходят целые «люди», и при помощи, откровенно сознаюсь, весьма первобытных вычислений, цель которых была доказать себе, что из двух нулей не может произойти ребенок и что для появления его на свет необходимы хотя какие-нибудь отце– и матереобразные дроби, я, при помощи сложения и деления, вычислил, что на каждого из 700 человек детей в среднем выводе приходится не 0 и 0, а (принимая во внимание всю сумму единиц, составляющих то, что называется «обществом») все-таки некоторая дробь отцовского и материнского элемента. Естественно, во мне родилось желание разыскать то существо въяве и вживе, которое может уделить на выполнение материнского дела только одну сотую часть (таково было мое вычисление) своего существования. И где же остальные девяносто девять частей человека, матери, женщины?

Нисколько не защищаясь против могущих быть упреков со стороны читателей в недостатках сделанных мною вычислений, я должен сказать, однако, что лично во мне эти вычисления выразились в весьма определенном и решительном поступке. В первый же приезд мой в Петербург я, под влиянием всевозможных соображений, которых теперь не могу даже припомнить хорошенько, прямо с вокзала велел извозчику ехать в воспитательный дом; может быть, отчасти причиною этого было и то обстоятельство, что наш деревенский поезд приходил раньше всех других поездов, когда над Петербургом лежит еще тьма зимней ночи, когда весь Петербург спит, и когда только что начинают открываться булочные, и вообще когда негде приткнуться, чтоб напиться чаю или же не к кому заехать, чтобы не разбудить утомленного петербуржца и не побеспокоить его. Как бы то ни было, но я думаю – перевес в моих поступках брало не столько нежелание беспокоить моих знакомых, сколько опять-таки увлечение многосодержательностью статистических цифр, овладевших в последнее время всем моим вниманием. Полагаю, что последнее влияние было во мне преобладающим, и говорю это на том основании, что сторож, к которому меня подвез извозчик и который стоял около того места воспитательного дома, где идет «продажа карт», долгое время слушал мои вопросы и разглагольствия как бы в каком-то недоумении и, наконец, повидимому, сам заразился моей статистической терминологией. Как бы в подражание моему специально-стати-

стическому языку, он стал разговаривать со мною тоже каким-то странным и также как бы научным языком.

– Рождаемость? – в недоумении проговорил он, как бы приходя в себя от моих многосложных вопросов. – Рождаемость… это с Мойки вам надо заехать… Придется объезжать по Невскому и оттуда, от мосту, по левой руке… Там идет эта самая… например, рождаемая приноска. Из тех ворот с уткой и утятами… Туда бабы волокут свое нарождение, с Мойки. А в наши ворота идет уже выпуск – кое в деревню, а кое на гигиен-станцию.

– Какая же это гигиен-станция?

– А Преображенка!.. Как же? Как пойдете по Гончарной, и будет улица в конце, к Казачьему плацу, – и тут сейчас на левой руке гигиен-станец. Для очистки воздуха. Вентиляция. Потому Петербург – не деревня… Там, дай бог, в год два-три покойника, а ведь в Петербурге кажинный божий день народу намрет, как снегу в подворотни навьет. Одного нашего брата мужика, мастерового, навалит в сутки тьма-тьмущая. Держать мертвечины долго не годится – вот ее из всех мест – из больниц из всяких – прямо на гигиен-станец, а там в вагон, а там на Преображенку, за город! Гигиен называется все одно, как очистка. Для воздуха. Кабы полиция не делала у нас хорошую гигиену, у нас бы в воспитательном мерло не так, а теперь всё не шибко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.